

БУРЦОВ

полковник, бывший командир
Украинского пехотного полка

На 26 листах

№ 1

О П И С Ъ

делу о полковнике Бурцове

Число бумаг	Страницы в деле
1. Начальный допрос, снятый с Бурцова г[осподином] генерал-адъютантом Левашовым	1—2
2. Вопросы и ответы полковника Бурцова, данные в Тульчине 19 декабря 1825	3—6
3. Вопросные пункты от Комитета полковн[ику] Бурцову 15 ген- варя	7—10
4. Ответы его, Бурцова	11—18
5. Вопрос Комитета Бурцову 17 января	19
6. Ответ его	20
7. Выписка из письменных ответов полков[ника] Бурцова	21—22 ²
8. Копия с записки о Бурцове с означением высочайшей резолю- ции	23—26

26

Надворный советник Ивановский // (л. 5)

¹ Вверху листа помета карандашом «95». Число исправлено с «96».² В подлиннике ошибочно: «22—22».

От командира Украинского пехотного полка г[осподина] полковника Бурцова требуется точное и ясное объяснение о нижеизложенном²:

1) Не принадлежали ли вы когда-нибудь к какому ученому, гласному или тайному обществу, где и под каким наименованием оное существовало?

2) В чем заключалась цель сего общества, какие были занятия членов его при общих и частных // (л. 5 об.) собраниях, по каким причинам и когда вы уклонились от оного?

3) Со времени нахождения вашего во 2-й армии было ли вам известно о составившемся // (л. 6) тайном обществе, не участвовали ли в оном сами и знали ли как имена членов, так и цель его? А если сами вы в таком обществе не участвовали, то не заметили ли вы о его существовании из разговоров и поступков сослуживцев ваших?

На 1-е. В течение целой жизни моей не принадлежал я ни к какому тайному обществу, ниже к маконскому, что я и объявил при отобрании подписки в силу высочайшего указа, состоявшегося в 1822 году. К гласному же обществу принадлежал я с 1815-го до 1819 года в звании действительного члена: оное именовалось Обществом военных наук, составлено было при Гвардейском Генеральном штабе бывшим начальником оного штаба г[осподином] генерал-адъютантом Сипягиным и удостоилось получить высочайшее утверждение.

На 2-е. Цель сего общества состояла в образовании молодых офицеров предпочтительно в военных науках, но причем поставляемо было в похвалу // (л. 5 об.) приобретение и прочих знаний. На каковой предмет и была учреждена библиотека, в коей кроме военных сочинений содержались и другие, а к чтению оных приглашаемы были все гвардейские офицеры. В то же время общее стремление к снисканию сведений весьма много было усилено объявленною в газетах речью государя императора произнесенною в г. Варшаве при собрании сейма Царства Польского, в коей изложено было высочайшее намерение распространить со временем и на Россию подобное образование гражданского управления. Сие важное явление возбудило в членах военного общества рвение сделаться полезными правительству в достижении цели оного, а для сего надлежало обогатить себя всеми сведениями, кои бы могли быть употребленными в исполнении общественных // (л. 6) обязанностей. При сих же обстоятельствах сделалось известным сочинение г[осподина] Грибовского, сколько я могу припомнить, касательно освобождения крестьян, напечатанное в небольшом числе экземпляров (и как слышно было) удостоившееся высочайшего внимания государя императора; равномерно дарованная свобода крестьянам в Лифляндии — все сии соединенные причины явственно представляли виды правительства и заставляли стараться по мере сил каждого приобретать политические знания и распространять понятия о благотворных намерениях его величества. Смело могу сказать, что я готов был в точном смысле сделаться орудием правительства; а посему подобно многим гвардейским офицерам в свободные часы от // (л. 6 об.) службы я посещал профессоров Германа, Галича, Куницына, преподававших лекции о политических науках, и всемерно старался приобретать такие знания. От сего общего стремления могло случиться, что иногда невольно вырывались суждения о делах государственных, коих существа и важности я не мог

¹ Вверху листа помета чернилами: «№ 2».

² Три первые строки на полях отчеркнуты карандашом.

4) Не были ли вы посланы от членов общества, здесь // (л. 6 об.) находящегося, депутатом в Москву к тамошним членам оного для объяснений, в чем оные состояли, к кому именно обращались вы с тем поручением и не было ли там сделано вам предложений, которые вами отвергнуты и были причиною вашего отклонения? // (л. 7)

5) Одни ли вы или с кем другим из членов ездили туда в качестве депутатов?

6) По возвращении вашем из Москвы было ли в Тульчине заседание членов помянутого общества и один из них (назовите его) говорил ли речь, в которой объяснив причины преобразования Общества благороденства в либеральное, заключил, что если кто из тогдашних членов // (л. 7 об.) на себя не надеется, тот может новое общество оставить?

7) Не воспользовались ли вы каким предложением для отклонения себя от общества и кто еще из членов в одно с вами время удалился от оного? // (л. 8)

8) Кого из членов сего общества заметили вы сами (или слышали) наиболее действующими и имеющими влияние на умы других?

Призыв ваш и данное объяснение сохранить в строгой тайне.

Генерал-адъютант Чернышев

Генерал-адъютант Киселев

Декабря 19-го дня 1825 г.¹

достаточно постигать. Тот, кто бы наблюдал меня в сие время, мог действительно причесть к числу людей, посвятивших себя какой-либо политической цели, но таковое направление умов продолжалось незначительное время и вскоре каждый мог заметить, что оно обращало на себя неблаговоление правительства. Убедившись в том, я решился удалением из Петербурга прекратить все прежние занятия // (л. 7) и, предавшись единственно военной службе в армии, посвятить себя исполнению воли начальства. Назначение г[осподина] генерал-майора Киселева начальником главного штаба 2-й армии, доставило мне случай исполнить мое желание.

На 3-ье. Со времени поступления моего во 2-ю армию, деятельная служба составляла предмет всех моих помышлений. Удостоившись внимания начальства, я посвящал все свое время единственному исполнению приказаний оного. С сей минуты не только служба, но и самая моя [жизнь] под непосредственным надзором г[осподина] начальника главного штаба, и я прибегаю к смелости сослаться на свидетельство как его превосходительства, так и его сиятельства // (л. 7 об.) господина главнокомандующего, от коего также удостаивался получать неоднократно поручения: ознаменовал ли я себя каким-либо поступком, суждением, даже самою мыслию, которые бы показали во мне скрытые замыслы, противные правительству? Безусловная покорность к моим начальникам, беспредельная преданность к государю руководили мною на пути службы и доставляли от щедрот монарха все те награды, коих я не успел еще заслужить в полной мере, но, конечно, обладал полною к тому готовности и рвением. Получив по доверию начальства в командование полк, я в управлении оным неотложно следовал правил благоразумной строгости к подчиненным и покорности к старшим, в чем // (л. 8) снова ссылаюсь на всех г[оспод] начальников, в ведении коих ныне состою.

Поступки сильнее нежели слова могут объяснить характер и образ мыслей человека, а равно и отвергнуть те сомнения, коим и невинный подвергается действием клеветы.

Таким образом я объявляю, что как я сам не участвовал ни в каком тайном обществе, так и не мог знать никого из членов оного, удаляясь всемерно от всякого прикосновения к суждениям вольнодумцев. Присем, однако, почитаю за долг не умолчать и о самомайшем случае, который мог бы остаться на моей ответственности. Проезжая в 1820-м году через Смоленскую губернию, в какой был в то время ужасный голод, я участвовал в одной подписке в пользу несчастных жителей, и которая, как я слышал, обратила на себя неблаговоление правительства. // (л. 8 об.)

¹ Подписи А.И.Чернышева и П.Д.Киселева и дата на полях отчеркнуты карандашом.

На 4-е. Согласно вышепредставленным объяснениям, не мог я быть послан в Москву в виде депутата, но в течение всего времени я два раза был в Москве: первый раз в 1820-м году по приказанию г[осподина] начальника главного штаба приезжал к генерал-майору Нейдгарту для узнания правил жалонеров и боевых порядков; а во второй раз в 1824 году по случаю недавней женитьбы моей ездил в отпуск к родственникам и был в Москве по тяжебному делу, о коем и утруждал просьбою его императорское величество.

На 5-е. В вышеприведенном объяснении показал я, что в первый раз ездил в Москву один, а во-второй — с моей женой.

На 6-е, 7-е и 8-е. Ничего более не могу сказать, ибо в 1-м пункте объявил уже, что ни в каком тайном обществе не находился.

Все вопросы, предложенные мне, как равно и призов сей обязываюсь я хранить в совершенной тайне. Все же объявленное мною готов подтвердить под присягою.

Командир Украинского пехотного полка полковник Бурцов¹ // (л. 3)

Декабря 19-го дня
1825-го

М. Тульчин

№ 3 (1)²

№ 124

Украинского пехотного полка коман[дир] Бурцов

При надлежите ли вы обществу тайному и какое в оном брали участие?

В конце 1818 или в начале 1819 предложили мне в Петербурге к[нязь] Трубецкой, Муравьев и Пестель взойти в тайное общество. После многих объяснений, удостоверивших, что цель общества не заключала в себе ничего противозаконного, я согласился на вступление в оное. В сие время членами общества были г[оспо]да Муравьевы³, двое Калошиных³, двое Шиповых³, Абаленский³, Пущин³, Нарышкин³, Кавелин³ и многие другие, которых не упомню. В начале 1819 году, назначен был адъютантом [к] ген[ерал]-адъютанту Киселеву, я оставил Петербург и поехал в Тул[ы]чин. Здесь нашел из членов Пестеля³ и⁴ Комарова³, с коими был в сношении. В 1820 году присоединились Юшневский³, Ивашев³ (адъютант граф[а] Витг[енштейна]), Барятинский³ и двое Крюковых³. В 1821 году, видя, что общество приняло совершенно другое направление, я желал от оного отстать или содействовать даже к его разрушению. Я был в Москве, где воспользовавшись разномнением всех членов, на совещании у Фон Визена³ я предложил о разрушении общества, что и было принято большею частию. С сим известием // (л. 3 об.) возвратился я в Тульчин, где в полном собрании тамошних членов объявил оное. Пестель тогда объявил⁵, что Московское общество не вправе было оное разрушить и что он со своей стороны намерен продолжать и надеется на содействие прочих. После сего сношения мои⁶ как с Пестлем, так и с другими⁷ членами по делам общества совершенно прекратились, и с тех пор видел, что они действия свои от меня скрывали. По сей⁸ скрытности утверждительно не знал, что общество продолжается, но подозревал, что оное суще-

¹ Показания написаны И.Г.Бурзовым собственноручно. Ответы скреплены внизу его подписью: 1-й ответ: «Командир», 2-й — «Украинского», 3-й — «пехотного», 5-й — «полка», 6-й, 7-й, 8-й — «полковник Бурцов».

² Вверху листа помета карандашом: «В Петр[опавловскую] крепость».

³ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁴ Слово «и» вписано над строкой.

⁵ Первоначально было: «сказал».

⁶ Далее зачеркнуто: «совершенно».

⁷ Далее зачеркнуто одно слово.

⁸ Далее зачеркнуто: «же».

ствует, по слухам, доходившим насчет собраний в Каменке у Давыдовых¹ и в Киеве на контрактах. С тех пор мне совершенно сделалось все неизвестно. Я не знал ни действий их, ни сообщений с прочими² отраслями, ни занятий³ на новое устройство в государстве, о чем утвердительно ничего не могу сказать. Признаюсь виновным, что все вышесказанное // (л. 4) умолчал ген[ерал]-адъ[ютанту] Чернышеву, но сие единственно⁴ опасаясь вовлечь невинных в ответственность⁵ за действия давно прошедшие.

Командир полка полковник Бурцов⁶

Ежели я чего теперь не показал, то готов оное исполнить по первому востребованию⁷.

Генерал-адъютант Левашов // (л. 9)

№ 4 (3)⁸

1826 года января 15 дня в присутствии высочайше учрежденного следственного Комитета командир Украинского пехотного полка полковник *Бурцов* спрашиван в дополнение прежних его показаний.

В начальных ответах, данных в Тульчине 19 декабря 1825 года, вы решительно отреклись, что в течение целой жизни вашей не принадлежали ни к какому тайному обществу, ниже к масонскому, а были только действительным членом общества *военных наук*, существовавшего с 1815 до 1819 года при штабе Гвардейского корпуса, и удалились от оного коль скоро приметили, что занятия членов его обратили на себя неблаговоление правительства; в допросе же, отобранном здесь, хотя вы и сознаетесь, что еще с конца 1818 или в начале 1819 года по предложению Пестеля, князя Трубецкого и Сергея Муравьева вы вступили в тайное общество и оставались членом оного на юге до 1821 года; но или выпускаете // (л. 9 об.) известные вам обстоятельства, или недостаточно объясняете оные.

И потому Комитет требует от вас откровенных и сколь можно ясных показаний о нижеследующем:

1

Кто были членами того тайного общества в Петербурге, в которое вы начально вступили, кроме лиц, наименованных вами в первом допросе, какие были цели его, т[о] е[сть] *объявленная* всем членам и *сокровенная*, только некоторым известная, в чем состояли главнейшие занятия членов и под каким названием общество сие существовало?

2

По прибытии вашем в Тульчин в 1819 году, где нашли двух сочленов своих Пестеля и Комарова, вы ли и Пестель были основателями общества на юге, и в каком точно значении или духе?

Кто были члены оного, как начально принятые, так и вступившие впоследствии? И вы ли приняли в сие общество // (л. 10) генерал-интенданта 2-й армии Юшневского?

3

При объявлении вами в 1821 году по возвращении из Москвы уничтожении Союза благоденствия, кто именно из членов вместе с Пестелем решились не пре-

1 Фамилия подчеркнута карандашом.

2 Далее зачеркнуто: «об».

3 Далее зачеркнуто: «их».

4 Далее зачеркнуто: «убоясь».

5 Далее зачеркнуто: «за», ошибочно написанное дважды.

6 Показания подписаны И.Г.Бурзовым собственноручно.

7 Приписка сделана И.Г.Бурзовым собственноручно.

8 Вверху листа помета карандашом: «Чит[ано] 16 генв[аря]».

ствует, по слухам, доходившим насчет собраний в Каменке у Давыдовых¹ и в Киеве на контрактах. С тех пор мне совершенно сделалось все неизвестно. Я не знал ни действий их, ни сообщений с прочими² отраслями, ни занятий³ на новое устройство в государстве, о чем утвердительно ничего не могу сказать. Признаюсь виновным, что все вышесказанное // (л. 4) умолчал ген[ерал]-адъ[ютанту] Чернышеву, но сие единственно⁴ опасаясь вовлечь невинных в ответственность⁵ за действия давно прошедшие.

Командир полка полковник Бурцов⁶

Ежели я чего теперь не показал, то готов оное исполнить по первому востребованию⁷.

Генерал-адъютант Левашов // (л. 9)

№ 4 (3)⁸

1826 года генваря 15 дня в присутствии высочайше учрежденного следственного Комитета командир Украинского пехотного полка полковник Бурцов спрашиван в дополнение прежних его показаний.

В начальных ответах, данных в Тульчине 19 декабря 1825 года, вы решительно отреклись, что в течение целой жизни вашей не принадлежали ни к какому тайному обществу, ниже к масонскому, а были только действительным членом общества *военных наук*, существовавшего с 1815 до 1819 года при штабе Гвардейского корпуса, и удалились от оного коль скоро заметили, что занятия членов его обратили на себя неблаговоление правительства; в допросе же, отобранном здесь, хотя вы и сознаетесь, что еще с конца 1818 или в начале 1819 года по предложению Пестеля, князя Трубецкого и Сергея Муравьева вы вступили в тайное общество и оставались членом оного на юге до 1821 года; но или выпускаете // (л. 9 об.) известные вам обстоятельства, или недостаточно объясняете оные.

И потому Комитет требует от вас откровенных и сколь можно ясных показаний о нижеследующем:

1

Кто были членами того тайного общества в Петербурге, в которое вы начально вступили, кроме лиц, наименованных вами в первом допросе, какие были цели его, т[о] е[сть] *объявленная* всем членам и *сокровенная*, только некоторым известная, в чем состояли главнейшие занятия членов и под каким названием общество сие существовало?

2

По прибытии вашем в Тульчин в 1819 году, где нашли двух сочленов своих Пестеля и Комарова, вы ли и Пестель были основателями общества на юге, и в каком точно значении или духе?

Кто были члены оного, как начально принятые, так и вступившие впоследствии? И вы ли приняли в сие общество // (л. 10) генерал-интенданта 2-й армии Юшневского?

3

При объявлении вами в 1821 году по возвращении из Москвы уничтожении Союза благоденствия, кто именно из членов вместе с Пестелем решились не пре-

1 Фамилия подчеркнута карандашом.

2 Далее зачеркнуто: «об».

3 Далее зачеркнуто: «их».

4 Далее зачеркнуто: «убоясь».

5 Далее зачеркнуто «за», ошибочно написанное дважды.

6 Показания подписаны И.Г.Бурзовым собственноручно.

7 Приписка сделана И.Г.Бурзовым собственноручно.

8 Вверху листа помета карандашом: «Чит[ано] 16 генв[аря]».

кращать своих действий и учредили свою управу? Говорили ли при сем случае: Юшневский об опасности такого предприятия, а Пестель и Аврамов о пользе и необходимости исполнения оного, заключив из них последний, что если бы и все члены отстали, то общество будет существовать в нем одном?

4

Кто из членов наиболее стремился к исполнению сих намерений общества советами, сочинениями и влиянием на других? // (л. 10 об.)

5

Какие средства и надежды имело Южное общество к достижению цели его, т[о] е[сть] на какие именно войска и почему всего более полагалось, и кого из высших лиц в государственной службе почитало своими покровителями или потому, что знали о существовании его, или по правилам и образцу мыслей подавали надежду на содействие?

6

Читали ли вы конституцию, написанную Пестелем под именем «*Русской Правды*», равно составленные обществом *две прокламации* к народу и к войскам и ложный «*Катехизис*»; и не упомните ли // (л. 11), в чем заключались главные черты оных?

7

Какого рода, когда и через какие лица Южное общество имело сношения с Северным?

8

Какие тайные общества существуют еще в России и Малороссии, где находятся их управы или думы и отделения, кто в них начальствует, какая цель каждого из тех обществ и кто суть известные члены оных?

9

Какие и где существуют общества собственно в Польше, о ком из членов имели вы сведения, кто из них приезжал в Бердичев и на киевские контракты для переговоров с Южным обществом, кто со стороны сего последнего производил оные и в чем состояли взаимные условия? // (л. 11 об.)

10

Не слышали ли вы чего от Пестеля или от кого другого о том, что польские общества находятся в сношениях с тайными обществами в Германии, Италии, Франции и других европейских государствах; а Южное имеет сношение с французскими обществами и что для сего поехал во Францию граф Полиньян?

11

Комитет имеет в виду достоверные показания, что вы взяли скрытно и сожгли список членам тайного общества, упавший со стола при пересмотре в главном штабе 2-й армии бумаг, найденных 32-го егерского полка у майора Раевского.

Поясните: каким образом сие происходило и чьи имена значились в истребленном вами списке?

Впрочем, присовокупите здесь с тою же искренностию все, что вам // (л. 12) известно касательно тайных обществ и лиц, к оным принадлежащих. // (л. 13).

№ 5 (4)

На вопросы, мне предложенные от высочайше учрежденного следственного Комитета по чистой совести и по духовному увещанию имею счастье представить все известные мне обстоятельства существовавшего в России тайного общества под названием *Союза благоденствия* и то, что знаю о других обществах. В ответах, данных мною начально в Тульчине 19 декабря 1825 года, я не сознался в том, что находился некогда в Союзе благоденствия как по опрометчивости, с каковою принял я столь

важное дело, так и по вкоренившемуся от воспитания и общежития предрассудку, чтобы не вводить в ответственность людей, кои давно отстали от своих прежних занятий и сделались безвредными: наиболее я потому сие учинил, что правительству известны уже были все подробности дела, и я уверен был, что виновные не избегнут наказаний. Неосновательность мою я сам признаю существенною виною; но ныне стараюсь изгладить оную чистейшим раскаянием и показанием.

Союз благоденствия учрежден был в Москве¹ во время пребывания там гвардии в 1818 году. Мне предложено было в оный вступить по возвращении гвардии в конце того же года к[нязем] Сер[геем] Трубецким², Никитою Муравьевым², и, сколько припомню, уговаривал к тому и Пестель².

На 1-е.

Не помню ясно, кто назван мною из членов в первом показании, я помяну обо всех мне // (л. 13 об.) известных. Членами общества в Петербурге были кн[язья] Сер[гей] и Петр Трубецкие, Николай Тургенев, к[нязь] Долгорукий, Шиповы, Кавелин, Лунин, Муравьевы: Александр, Михаило, Никита, Сергей и Матвей, Колошины, Семенов (л[ейб]-г[вардии] егерского полка), Семенов (секретарь московского) генер[ал]-губернатора), к[нязь] Оболенский, Пущин, Вальховский, Нарышкин (л[ейб]-г[вардии] Московского), Скалон, Оленин старший, Римский-Корсаков, Горсткин, к[нязь] Голицын (л[ейб]-г[вардии] Преображенского), Полторацкий (л[ейб]-г[вардии] Измайловского), Бригген, Глинка, Грибовский, Охотников (адъютант к[нязя] Трубецкого), Воейков (л[ейб]-г[вардии] Московского), один офицер, перешедший из егерского полка майором в Орловский полк³, Корф (л[ейб]-г[вардии] егерского). Также почитались принадлежащими обществу генера-лы: к[нязь] Лопухин, Михаил Орлов и профессор Воейков, и полков[ник] Бакунин⁴, коих я лично не знал. Прочих же членов не упомню, но готов утвердительно или отрицательно сказать, если мне назовут чье-либо имя.

Объявленная цель союза была распространение просвещения, благотворительности и нравственности, дабы собственным примером и внушениями искоренять пороки, невежество и злоупотребления. Сокровенная цель понимаема была не совершенно одинаково, ибо она нигде положительно не была выражена, я и большая часть моих приятелей видели цель в следующем: приготовлять общественное мнение к новому устройству // (л. 14) в государстве, коего ожидали от государя императора, и к освобождению крепостных людей, каковые перемены могли не нравиться дворянству: почему для отвращения неудобств я и не считал законопротивным служить правительству в достижении таковой цели. В истине сего ссылаюсь на генерала Шипова², коего 7 лет не видал, но с коим в то время разделял искренно мой образ мнения. Занятия членов состояли единственно в умножении числа и в приобретении полезных знаний для приготовления себя к государственной службе. Устав общества именовался «Зеленою книгою» и был рукописный в числе 30 или более экземпляров.

На 2-е

В мае месяце 1819 года приехав в Тульчин, я нашел там Пестеля, который, прибыв за полгода прежде, принял в общество Комарова², и мы все вместе стали распространять число членов, я действовал в том духе, как и прежде, а Пестель² сначала подделялся к моему мнению, но впоследствии начал понемногу восставать против оного, к чему склонял и своих приятелей, как насмешками, так и убеждением. Он утверждал, что для образования нравов нужны века, но надлежало исправить правление, от коего уже и нравы исправятся. Я же непоколебимо остался в прежних правилах и почитал за великое счаствие, если бы в течение своей

¹ Страна от слов «Союз благоденствия...» на полях отчеркнута карандашом.

² Фамилия подчеркнута карандашом.

³ Слова «один офицер... в Орловский полк» подчеркнуты карандашом, над ними поставлена цифра «7».

⁴ Все фамилии в ответе на 1-й вопрос подчеркнуты карандашом. Над именами и фамилиями: Сер[гей] и Петр Трубецкие, Скалон, Оленин старший, Римский-Корсаков, к[нязь] Голицын, Полторацкий, Корф, профессор Воейков, полков[ник] Бакунин карандашом поставлены соответственно цифры «1—6», «8—10».

жизни хотя // (л. 14 об.) на одну каплю успел улучшить в своем малом кругу действия. Таковое несогласие в коренном мнении убеждало меня, что обществу с разнородными частями существовать нельзя, почему и принял я твердую решимость устремить все силы к разрушению общества. Генерал-интенданта Юшневский принял был более Комаровым нежели мною: он с ним был прежде знаком, а я только привез «Зеленую книгу» в его дом и при том находился. Прочие члены были Краснокутский, Кальм, Непенин, Любимов, Фон-Визин (прибывший из Москвы с 38-м полком), к[нязь] Волконский, Астафьев, к[нязь] Барятинский, Ивашев, Крюковы, Аврамов, Басаргин, доктор Вольф, сын графа Витгенштейна, Филипович¹ (умер), Руге, майор Раевский и Бистром (умер), три обер-офицера, прибывшие с 37-м егерским полком из Москвы: Сурнин, Чумпалов (оба в отставке) и Алимский (служит капитаном),

Сих я не знал. { 38-го полка капитан Великошапкин, подполковник Хотяинцов, майор Юмин².

Кроме находившихся в Тульчине, прочие в собраниях не участвовали.

На 3-е

По возвращении из Москвы в марте 1821 года (где на общем съезде нескольких членов Союз благоденствия по представлению моему уничтожен) я собрал всех наличных тульчинских членов³ и объявил им о сем действии. // (л. 15) На таковое объявление Пестель разразил, что московское собрание не вправе было уничтожать союза⁴, но токмо изменять учреждения оного, и что он намерен завести новое общество. Некоторые из прочих членов изъявили мне тогда свое негодование. Аврамов⁵, кажется, сказал, что не он общество, а оно его искало, и потому удивляется, что оно же его и оставляет. Слов Юшневского⁵ вовсе не помню, ибо произнеся уничтожение союза, я удалился. Все сии фразы я принял [за] действие оскорблённого самолюбия и знал, что внутренне мне многие были обязаны. Со мною вышел Вольф и тотчас поблагодарил меня за сию решимость⁶.

Что же прочие после меня учинили, мне нисколько неизвестно: вражда Пестеля⁵ сделалась ко мне неукротимою, и он начал обвещать меня агентом тайной полиции. В продолжение того же года выехал он из Тульчина, и все наши столкновения совершенно пересеклись; не менее я долгом считал наблюдать за последствиями и вскоре услышал, что Аврамов⁵, Ивашев⁵, Комаров⁵, старший Крюков⁵ решительно отдалились от Пестеля⁵ и каждый объявлял удовольствие в разрушении прежних связей. Юшневского⁵ я полагал в таковом же мнении, ибо неоднократно слышал его невыгодные отзывы о характере Пестеля⁵. Отсутствующие же члены как прежде, так и после никакого действия не оказывали. Итак, к концу 1821 года из // (л. 15 об.) всех преданных ему оставался один только Барятинский⁵, но и тот, не имея никакого значения в Тульчине, казался нимало не опасным. Поэтому я утвердился в мнении, что пестелевы намерения никакого успеха не возымели. Но в 1824-м году в январе месяце, проезжая через Киев в Рязанскую губернию, я виделся с Комаровым⁵, который, бывая часто в доме генерала Раевского⁵ и в других, заметил, что будто Пестель заводит связи с молодыми Раевскими⁵, Давыдовыми⁵, Бестужевым⁵ и пр[очими] и что Юшневский⁵ также с ними сближается. Это меня сильно поразило, и я отвечал, что кроме Юшневского⁵ я всех их мало знаю, да и примечать связи их не буду иметь возможности, ибо через два дня еду

¹ Страна со словами «Вольф, сын графа Витгенштейна, Филипович» отмечена на полях знаком «NB».

² Все фамилии от слов «Краснокутский, Кальм...» подчеркнуты карандашом. Над фамилиями: Сурнин, Чумпалов, Великошапкин, Юмин поставлены карандашом соответственно цифры «11, 12, 13, 14».

³ Страна со словами: «я собрал всех наличных тульчинских членов» отмечена на полях карандашом знаком «NB».

⁴ Текст от начала ответа подчеркнут карандашом.

⁵ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁶ Страна со словами: «Со мною вышел... решимость» подчеркнута карандашом и отмечена на полях знаком «NB».

к родным, а потом надеюсь получить в командование полк, к коему был уже представлен; но если он, оставаясь в Киеве, откроет что-либо значительное, то должно донести начальству.

Возвратившись в мае 1824 года из внутренних губерний во 2-ю армию, я оставил Тульчин и жил до сего времени уединенно в м[естечке] Гранове, занимаясь исключительно службою, не поддерживая ни с кем никаких связей и не имея средств наблюдать за другими. Все же, что я мог заметить касательно поведения Пестеля¹ и его единомышленников // (л. 16) состояло в следующем. По возвращении его из Петербурга в конце 1824 года он изъявил желание прекратить его многолетнее ко мне негодование и, живя в 35 верстах от меня, соблюдать некоторую приязнь. Я от этого не отказался и видел его раза три, но по наклонности моей ко всем предметам службы, он, не находя удобности предлагать мне что-либо об обществе, вскоре отстал и начал всеми скрытными мерами злословить мое не только наружное, но даже домашнее поведение, на что есть много достоверных в Тульчине свидетелей. Потом в течение 1825 года, находясь с полном в дивизионном лагере, я встретился с ком[андиром] 1-й бригады² 19 дивизии к[нязем] Волконским 1-м, который сначала увидев вверенный мне полк, превозносил его устройство, но вдруг однажды вошел со мною в неожиданный разговор следующего содержания: «Поведение твое в полку вовсе не соответствует ожиданию каждого; ты с офицерами обращаешься слишком строго и грубо, а с солдатами употребляешь телесные наказания; от этого хотя полк и выучен, но в нем все тебя не любят. Ты опять вводишь в 19-й дивизии палки, которые я отчасти успел изгнать. По прежней нашей связи я ожидал, что ты будешь стараться привлекать к себе подчиненных, дабы иметь их во всегдашней своей власти». На все это // (л. 16 об.) я ему отвечал: «Князь, прежняя наша связь 5 лет уже как разрушена, и я служу с единую целью довести полк до наилучшего фронтового и внутреннего устройства, дабы тем оправдать лестное доверие государя и ходатайство генерала Киселева». Он замолчал, сказав, что если так, то он никогда более со мною об этом говорить не будет. С сего времени недоброжелательство его сделалось ко мне очевидным, и он даже довел до сведения вышнего начальства мое, будто бы жестокое, в полку обращение. Обязан еще присовокупить, что все сношения его и свидания² с Пестелем делались не по прямому пути через мою квартиру, но посторонними дорогами для сокрытия от меня их связи.

На 4-е

Во время существования Союза благоденствия в Тульчине наиболее имели влияние на прочих кроме Пестеля¹ Юшневский¹ и Комаров¹. Касательно сочинений, то таковых никем в духе общества не было писано; да и время было непродолжительно. Мною самим в целые 7 лет написана одна только статья «Бой полковника Тиховского с закубанскими черкасами» и напечатана в «Отечественных записках» 1820 года. Материалами для оной послужили бумаги, собранные // (л. 17) генералом Киселевым¹ в Екатеринодаре. Прочие члены, сколько мне известно, ничего значительного не писали и не печатали.

На 5-е

По объявленной мною выше цели, к которой стремились мои действия, мне никогда не представлялось нужным употребление войска, напротив того, я видел большую возможность успеть в жизни гражданской и потому иногда желал, чтоб какой-либо государственный человек подобно Мордвинову¹, Сперанскому¹ или приближенная особа к государю приняла первоначальное общество под свое покровительство и направила согласно воле правительства. Пестель¹ же, сколько заметно было, все внимание устремлял на войско и домогался места в военных поселениях дежурного штаб-офицера.

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Слова «и свидания» вписаны над строкой.

На 6-е.

Всех тайных сочинений Пестеля¹ я не видал и не читал; кроме разномыслия нашего о цели общества препятствовало и самолюбие его, чтоб отдать какое-либо творение на мой разбор. Он всякий раз выходил из себя, когда маловажная деловая бумага, им написанная, попадалась в мои руки.

На 7-е.

В 1819 году Пестель ездил с главнокомандующим в Петербург и доставил // (л. 17 об.) сюда все сведения о членах Южного общества, а в 1820 году летом проехали через Тульчин Никита Муравьев¹ с Луниным¹ и сообщили известия о Петербурге, наконец, осенью прислан был из Москвы Якушкин¹ для приглашения в Москву кого-либо из членов на совещание. После же сего общество более не существовало.

На 8-е.

О других тайных обществах, в России и Малороссии существующих, я совершенно ничего не знаю, кроме того, что при исследовании происшествия Семеновского полка открыто было полицией в Петербурге много тайных обществ и из них² одно именовалось «Зеленою лампой», в котором был членом камер-юнкер Всеволожский. Это я слышал от полковника Глинки. Также говорили, что есть большое общество мистическое, в котором действовал [господин] Лабзин¹. Но обо всем этом я поистине ничего точного не знаю.

На 9-е.

О Польском обществе я слышал только от Комарова, но без всяких подробностей, и не знаю, кто приезжал в Бердичев и Киев для сношений с Южным обществом. С искренностью открывая все, что мне известно в сем смысле про Россию, тем более // (л. 18) готов бы был представить правительству обо всем, существующем в Польше. Знаю только, что молодой Швейковский¹, двоюродный брат Потоцких, был содержим под стражею по повелению его высочества цесаревича за нахождение в каком-то тайном обществе³.

На 10-е.

Вовсе никогда и ничего не слыхал о предмете сего вопроса.

На 11-е.

Донесение, сделанное Комитету касательно сожжения⁴ мною списка, найденного в бумагах майора Раевского, никакой не имеет основательности, и я представляю сие дело в истинном виде. Во время происшествия, случившегося в 16-й дивизии, я был с генералом Киселевым в Кишиневе в тот день, когда наказаны были солдаты Камчатского полка за их буйство. Поспешая донести о сем главнокомандующему, он приказал мне отправиться в Тульчин и отвезти туда две бумаги: одну к его сиятельству, а другую — к дежурному генералу. Я немедленно прибыл в Тульчин и, найдя дежурного генерала за обедом, вручил ему бумагу, которую он распечатал и притом из нее выпала маленькая бумажка, на которой было написано несколько имен. Он просмотрел ее и, согласуя с содержанием бумаги, сказал: «Вероятно, Павел Дмитриевич вложил сюда эту записку // (л. 18 об.) по неосторожности, ибо она к бумаге не принадлежит». Тогда я ее взял, пошел к графу, подал ему конверт, объяснил словесно, что было приказано, и, получив отправление, в тот же час поспешил в Одессу, где, явившись к генералу Киселеву, доложил ему, что в бумаге дежурного генерала нашелся какой-то список, который ему и представил. В этом я призываю его превосходительство во свидетели, ибо проступок такого рода достоин высшего наказания, и я сам почел бы себя презрительным и не за-

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Слово «их» вписано над строкой.

³ Последняя строка ответа от слов «нахождение в...» на полях отчеркнута карандашом.

⁴ Первая строка ответа на полях отчеркнута карандашом.

служивающим ни малейшего доверия. Изменение же обстоятельства произошло оттого, что каждый, узнав о списке, пересказывал иначе другому, и вскоре мне самому рассказывали уже это иначе, так что я не в силах был восстановить истину. В списке заключались имена: Орлова, Пестеля, Волконского, Юшневского, Комарова, Ивашева, Аврамова, Барятинского, Крюковых, Астафьева и мое. Не было никакой надобности скрывать списка, ибо в то время общество уже не существовало.

Представив все замечательные обстоятельства из хода Союза благоденствия, я на последний запрос имею счастье представить, что кроме вышепоименованных лиц принадлежали еще к оному: в *1-й армии* полковник Граббе, майор Каверин¹ и несколько офицеров квартирмейстерской части или адъютантов, коих // (л. 19) я не знаю; в *Малороссии*: Новиков, бывший секретарь князя Репнина и Лукашевич, предводитель дворянства²; в *Москве*: Дмитрий Давыдов³, сочинитель Раич⁴, помнится, Чадаев⁵, бывший адъютант генерала Васильчикова, и еще некоторые, коих я имен не знаю. Что же касается до известия, по слухам распространявшегося, о коем я имел честь отвечать на словесный вопрос, то оное заключало следующее. До учреждения еще Союза благоденствия в Москве зимою 1818 или 1817, не знаю, несколько молодых людей проводя вечер в нетрезвом виде, возымели ужасную мысль посягнуть на жизнь покойного государя императора; в том числе был Якушкин; но на другой день, прия в себя, каждый из них устрашился самого даже помышления. С тех пор Якушкин предался семейной жизни, и я ничего более об нем не слыхал.

За всем сим обязываюсь доложить, что на все пополнения и пояснения, которые благоугодно будет Комитету от меня потребовать, я всегда готов отвечать с тою же откровенностию, с каковою сие ныне исполнил.

В довершение же оправдания моего осмеливаюсь представить на рассмотрение поведение мое, как вообще по службе, так особенно в последние горестные дни, протекшие со времени кончины обожаемого монарха. // (л. 19 об.)

Имея счастье служить государю четырнадцать лет в чине офицера и находившись в разных службах и должностях, я утвердительно могу думать, что ни один из начальников моих не упрекнет меня ни в усердии, ни в безусловной покорности. В удовлетворение сего имею право прибегнуть к свидетельству господ генералов: Нейдгарта, Сипягина, Киселева, Корнилова, у коих более или менее находился в команде.

С времени же начальствования полком поведение мое может быть исследовано самым строжайшим образом, и это будет для меня наилучшее свидетельство. Вверенный мне полк⁶, едва в два года из числа последних, поставлен всеми начальниками на степень одного из лучших в армии. Но таковые успехи не могли сделаться иначе как пожертвованиями, превышающими мое состояние, и утверждением строгой дисциплины.

В прошлом декабре месяце, когда все недоброжелатели правительства обнаружили явно свои умыслы, поведение мое также не подлежало никакому двусмыслению. По получении известия о горестной кончине государя императора и пока повеление о новой присяге не последовало, господин главнокомандующий изволил призвать меня в главную // (л. 20) квартиру для командования войсками, охранявшими оную и кои состояли из 2-х батальонов Одесского и 1-го батальона вверенного мне полка. В сие время начальник главного штаба приказал мне поспешно объехать штабы ближайших полков: Пермского, Уфимского и Казанского для извещения полковых командиров о воспоследовавшем бедствии и предупреждения, чтобы доколе не объявитя новая присяга, а горестная весть разнесется, все на-

¹ Слова «майор Каверин» подчеркнуты карандашом, над ними поставлена цифра «15».

² Слова «Лукашевич, предводитель дворянства» подчеркнуты карандашом, над ними поставлена цифра «16».

³ Слова «Дмитрий Давыдов» подчеркнуты карандашом, над ними поставлена цифра «17».

⁴ Слова «соинитель Раич» подчеркнуты карандашом, над ними поставлена цифра «18».

⁵ Фамилия подчеркнута карандашом и отмечена цифрой «19».

⁶ Слово «полк» написано на полях.

чальники усугубили осторожность к удалению всякого малейшего беспорядка. Я исполнил это, и можно спросить полковников, в чем состояло мое извещение. Сверх того, полковнику Мартынову, у коего служил в полку полковник Леман, я от себя добавил, чтоб он принял особенное наблюдение по той причине, что [господин] Леман, как было слышно, вошел в знакомство с Пестелем.

Прибыв в штаб вверенного мне полка и приняв все меры осторожности к обеспечению оного от всякого могущего произойти волнения между жителями, я призвал одного доверенного унтер-офицера по имени Рожкова и велел ему послать жидов в батальонные квартиры Вятского полка, дабы строго наблюдать за распоряжениями полковника Пестеля. Мог ли я сделать более к исполнению в высшей точности обязанности верноподданного? // (л. 20 об.)

Потом, по получении повелений о двукратной присяге государю цесаревичу и благополучно царствующему государю императору, я привел полк к исполнению сего долга с священным благоговением и преданностию, и ни один из подчиненных моих не дерзнул явить малейшего знака непокорности.

Наконец, получив приказание прибыть в С[анкт]-Петербург, и в то же время разнеслось известие о возмущении Черниговского полка на расстоянии от меня 150 верст, я поспешил сдать полк старшему по себе, предписав ему все меры осторожности к соблюдению строжайшего порядка, и поспешно прибыл сюда, зная решительно причину требования и уповая на милосердие государя, которого заслужить надеюсь искреннею преданностию и неизменным усердием.

Командир Украинского пехотного полка
полковник Бурцов¹

16 января 1826 года // (л. 21)

№ 6 (5)²

Высочайше учрежденный следственный Комитет требует от командира Украинского пехотного полка полковника Бурцова следующее дополнительное и откровенное показание³:

В поданных ответах вчеращеного числа полковник Бурцов, объясняя, каким образом во время происшествия в 16-й пехотной дивизии попался ему в руки на четвертшке бумаги список членам Союза благоденствия, в котором помещены были имена его, Бурцова, Пестеля, Юшневского, Михайлы Орлова, князя Сергия Волконского, Аврамова и пр[очих], не поясняет, начальник главного штаба 2-й армии нашел ли его в бумагах 32-го егерского полка майора Раевского или доставлен был к нему от генерала Сабанеева⁴; также умалчивает, что начальник штаба сказал ему, когда Бурцов вручил ему сей список по возвращении // (л. 21 об.) из главной квартиры. На все сие Комитет требует от полковника Бурцова точнейшее объяснение с показанием, готов ли он подтвердить сие в присутствии генерал-адъютанта Киселева.

Генваря 17-го 1826 года // (л. 20)

№ 7 (6)

Полковник Бурцов имеет честь представить⁵. Список членов получен г[осподином] начальником главного штаба, вероятно, от генерала Сабанеева, ибо это было в Кишиневе. Бумаг же майора Раевского ни я и никто в главном штабе армии не разбирал; но наверное не знаю, откуда сей список доставлен был к его превосходите-

¹ Показания написаны И.Г.Бурзовым собственноручно. Подпись отчеркнута на полях карандашом.

² Внизу листа помета чернилами: «Посыпан к нач[альному] Гл[авного] шт[аба].»

³ Первый абзац на полях отчеркнут карандашом.

⁴ Далее стерто слово, вписанное чернилами между строк.

⁵ Первая строка ответа на полях отчеркнута карандашом.

дительству. Что же касается до слов генерала Киселева при вручении мною¹ сего списка, то оные состояли в следующем: «Вот и тебя полагают в обществе с Раевским; скажи, чем ты мог навлечь на себя сие подозрение?». На сие я отвечал: «Раевский по дружбе с Комаровым был некоторое время проездом в главной квартире и случался в домах тех чиновников, с коими я дружен, посему, вероятно, этот список заключает имена его знакомых и в том числе мое». Тогда генерал Киселев сказал мне, что как бы то ни было, а «я представлю его главнокомандующему». Вот, сколько я припомню, смысл сего разговора, и я готов подтвердить в присутствии [Господина] генерал-адъютанта Киселева.

Генваря 17 дня 1826 года² // (л. 23)

№ 8 (7)³

Выписка из письменных ответов полковника Бурцова от 16 генваря 1826.

Ответ 11-й

«Донесение, сделанное Комитету касательно сожжения мною списка, найденного в бумагах майора Раевского, никакой не имеет основательности, и я представляю дело сие в истинном виде. Во время происшествия, случившегося в 16-й дивизии, я был с генералом Киселевым в Кишиневе в тот день, когда наказаны были солдаты Камчатского полка за их буйство. Поспешая донести о сем главнокомандующему, он приказал мне отправиться в Тульчин и отвезти туда две бумаги — одну к его сиятельству, а другую — к дежурному генералу. Я немедленно прибыл в Тульчин и, найдя дежурного генерала за обедом, вручил ему бумагу, которую он распечатал, и притом выпала из нее маленькая бумажка, на которой написано было несколько имен. Он просмотрел ее и, согласуя с содержанием бумаги, сказал: "Вероятно, Павел Дмитриевич" // (л. 23 об.) вложил сюда эту записку по неосторожности, ибо она к бумаге не принадлежит". Тогда я ее взял, пошел к графу, подал конверт, объяснил словесно, что было приказано, и, получив отправление, в тот же час поспешил в Одессу, где, явившись к генералу Киселеву, доложил ему, что в бумаге дежурного генерала нашелся какой-то список, который ему и представил. В этом я призываю его превосходительство во свидетели, ибо преступок такого рода достоин высшего наказания, и я почел бы себя презрительным и не заслуживающим ни малейшего доверия. Изменение же обстоятельства произошло оттого, что каждый, узнав о списке, пересказывал иначе другому, и вскоре мне самому рассказывали уже это иначе, так что я не в силах был восстановить истину. В списке заключались имена: Орлова, Пестеля, Волконского, Юшневского, Комарова, Ивашева, Аврамова, Барятинского, Крюковых, Астафьева и мое. Не было никакой надобности скрывать списка, ибо в то время общество уже не существовало». // (л. 24)

В словесном показании, отобранном в присутствии Комитета 15 генваря и тогда же вкратце отмеченном, полковник Бурцов объявил следующее:

«Когда после разрушения общества в 1821 году открылись беспорядки в 16-й дивизии, я вручил дежурному генералу от генерал-адъютанта Киселева пакет, из которого при распечатании упал лоскуток бумаги, на коем были написаны имена всех членов Тульчинского общества. Дежурный генерал, видя, что это не принадлежит к присланной ему бумаге, отдал мне оный лоскуток, который я и представил начальнику главного штаба. Генерал Киселев сказал мне, что этот список был ему дан генералом Сабанеевым, полагавшим меня и всех прочих названных сопричастными к делу майора Раевского, чему он, генерал Киселев, верить не хотел». // (л. 25)

¹ Слово «мною» вписано над строкой.

² Ответ написан И.Г.Бурзовым собственноручно.

³ Вверху листа помета чернилами: «К свед[ению]», внизу листа: «Посылана к нач[альному] Глав[ного] шт[аба]».

О полковнике
Бурцове

На подлинной
собственности его им-
ператорского вели-
чества рукою напи-
сано: «За то, что не
объявил при подпис-
ке и за упорство в
первом показании
посадить на шесть
месяцев в крепость и
отправить на службу
к старшему».

Высочайшим приказом,
8 апреля 1826
года отданном, пере-
веден в Колыванский
пехотный полк¹

Командир Украинского пехотного полка полковник Бурцов сознается, что в конце 1818 года вступил он в Союз благоденствия по приглашению князя Трубецкого, Никиты Муравьева и Пестеля. Цели сего союза были: объявленная всем членам — распространение просвещения, благотворения и нравственности, дабы собственным примером и внушениями искоренить пороки, невежество и злоупотребления, сокровенная же — нигде положительно не была выражена и понималась неодинаково; он, Бурцов, и большая часть сочленов видели ее в том, чтобы приуготовить общественное мнение к новому // (л. 25 об.) устройству в государстве, коего ожидали от государя императора и к освобождению крепостных людей, каковая перемена не могла нравиться дворянству, и потому для отвращения неудобств он, Бурцов, и не считал противным служить правительству в достижении таковой цели. В истине сего ссылается на генерал-майора Шипова, который также разделял образ мнений его. Занятия членов состояли единственно в умножении членов и в приобретении полезных знаний для приуготовления себя к государственной службе; устав общества именовался «Зеленою книгою» и был рукописный. В мае 1819 года, // (л. 26) приехав в Тульчин, нашел там Пестеля, который прибыв туда за полгода прежде, принял Комарова. Тут все трое стали распространять число членов. Он, Бурцов, действовал в том же духе, а Пестель восставал против оного и увлекал за собою других, утверждая, что для образования нравов нужны века, а надлежит исправить правление, от коего уже и нравы исправятся. Такое несогласие в мнениях решило его, Бурцова, устремиться к разрушению общества, которое начинало принимать направление, противное цели «Золотой книги». В бытность свою в Москве в начале // (л. 26 об.) 1821 года он успел согласить на сие многих членов, и Союз благоденствия тогда же объявлен был уничтоженным. По возвращении из Тульчина в марте того года, он собрал наличных членов и объявил им о сем уничтожении. Пестель возразил, что московские члены не вправе уничтожать союз и что он намерен завести новое общество. Засим он, Бурцов, удалился и более не принимал ни малейшего участия. О существовании тайного общества наверное не знал, и с членами его в сношениях не был. Пестель, озлобленный удалением его от союза, впоследствии не упустил вредить ему // (л. 27) различным образом, да и князь Волконский по той же причине делал ему иногда неприятности по службе.

При отборании г[осподином] генерал-адъютантом Чернышевым ответов в Тульчине, он, Бурцов, скрыл все вышеприведенные подробности из одного предубеждения, чтобы не вводить в ответственность людей, кои давно отстали от общества.

¹ Слова «Высочайшим приказом... полк» написаны другим почерком и чернилами.

Полковник Бурцов, наименовав всех известных ему членов Союза благоденствия, дополняет, что со времени удаления своего от оного, посвятив себя совершенно службе, занимался единствено точным исполнением своих обязанностей и столько // (л. 27 об.) был счастлив, что успел обратить на себя лестное внимание начальства.

Майборода,
князь Волконский,
Юшневский, Аврамов,
Комаров и
князь Трубецкой

Капитан Майборода, генерал-майор князь Волконский, генерал-интендант Юшневский, полковник Аврамов, подполковник Комаров и полковник князь Трубецкой свидетельствуют, что полковник Бурцов со времени объявленного им в Тульчине уничтожения Союза благоденствия удалился от общества и не принимал более никакого участия; поясняя из них, Юшневский, что Пестер видел в Бурцове всегдашнего противника политическим его мнениям. // (л. 28)

Затем ни один из прочих членов Южного общества не говорит, чтобы Бурцов с кем-либо имел такое сношение или в чем-нибудь участвовал.

Верно: над[ворный] сов[етник] Ивановский

Вопросы 1-го заседания // 1-го заседания // 5 и 6

Вопросы 2-го заседания // 7, 8 и 9

Вопросы 3-го заседания // 10
с ответами

1. Письму Паскеви	10
2. Генерал-интенданту Юшневскому	11
3. Генерал-майору князю Волконскому	12
4. Письму Демидову	13
5. Генерал-майору Матвею Мурзину-Аристому	14
6. Генерал-майору Сирю Мурзину-Аристому	15
7. Полторанику Бестужеву-Рюмину	16
8. Кепи к заседанию Нескучного	17 и 18
9. Выписка из летописи канцелярии [представления] действующего генера	19

Над[ворный] советник Ивановский // 10-11

1. Было 1000 заседаний в Тульчине // 1000 заседаний. Число напечатано 7-81.

2. Письма 11 и 12 напечатаны другими переписями.

Полковник Бурцов, наименовав всех известных ему членов Союза благоденствия, дополняет, что со времени удаления своего от оного, посвятив себя совершенно службе, занимался единствено точным исполнением своих обязанностей и столько // (л. 27 об.) был счастлив, что успел обратить на себя лестное внимание начальства.

Майборода,
князь Волконский,
Юшневский, Аврамов,
Комаров и
князь Трубецкой

Капитан Майборода, генерал-майор князь Волконский, генерал-интендант Юшневский, полковник Аврамов, подполковник Комаров и полковник князь Трубецкой свидетельствуют, что полковник Бурцов со времени объявленного им в Тульчине уничтожения Союза благоденствия удалился от общества и не принимал более никакого участия; поясняя из них, Юшневский, что Пестель видел в Бурцове всегдашнего противника политическим его мнениям. // (л. 28)

Затем ни один из прочих членов Южного общества не говорит, чтобы Бурцов с кем-либо имел такое сношение или в чем-нибудь участвовал.

Верно: над[ворный] сов[етник] Ивановский

1. Капитану Неструеву	10
2. Генерал-майору Юшневскому	11
3. Генерал-майору князю Волконскому	12
4. Генералу Денисову	13
5. Генерал-майору Николаю Мурзину-Апостолу	14
6. Генералу Сергею Мурзину-Апостолу	15
7. Генералу Бестужеву-Рюмину	16
8. Князю в запасе Непелину	17 и 18
9. Выписка из акта концепции [исследования] дежурного генера-	19

Надзорный советник Ивановский // (л. 1)

О следственном деле И.Г.Бурцова

Имя видного члена Союза благоденствия, командира Украинского пехотного полка Ивана Григорьевича Бурцова прозвучало на первом заседании Следственного комитета 17 декабря 1825 г. при чтении доклада И.И.Дибича от 4 декабря того же года. Основываясь на доносе А.И.Майбороды, Дибич писал, что в числе «отклонившихся» от общества был полковник Бурцов⁶. Комитет предложил «вытребовать» Бурцова в Петербург, что было санкционировано Николаем I на следующий день⁷. 19 декабря военный министр А.И.Татищев направил во 2-ю армию распоряжение: Бурцову и Аврамову прибыть в Петербург, где они «нужны по делам службы»⁸. 30 декабря главнокомандующий 2-й армией П.Х.Витгенштейн передал приказ Бурцову⁹. Он прибыл в Петербург поздним вечером 10 января 1826 г. На следующий день Бурцов явился к начальнику Главного штаба, откуда был направлен к петербургскому коменданту Башуцкому. Там ему было объявлено об аресте¹⁰. После предварительного допроса Бурцов был направлен в

¹ Письма М.Ф.Орлова к московскому военному генерал-губернатору Д.В.Голицыну // Красный архив. 1925. № 6/13. С. 171–173.

² ГАРФ. Ф. 48. Д. 43. Л. 12 об.

³ Междуцарствие... С. 196.

⁴ Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа... С. 300.

⁵ Документы № 3/0, 4/0, 5/1, 6/2, 7/3, 16/13 публиковались П.Поповым в журнале «Красный архив», 1925. № 6/13. С. 148–173; документы № 8/4, 9/5 издавались М.В.Довнар-Запольским в кн.: Мемуары декабристов. Киев, 1906. С. 1–23, а также С.Я.Боровым и М.И.Гильельсоном в кн.: Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 78–95; документы № 10/6, 11/6 см.: Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа... С. 96–97.

⁶ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. I. С. 242; ВД. Т. IV. С. 9.

⁷ ВД. Т. XVI. С. 27, 30.

⁸ ГАРФ. Ф. 48. Д. 30. Л. 178.

⁹ ГАРФ. Ф. 48. Д. 30. Л. 179.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 48. Д. 293. Л. 261, 261 об.

Петропавловскую крепость и посажен в «арестантский каземат» № 8 Трубецкого бастиона¹. Согласно записке Николая I его предписывалось «содержать строго»². Впоследствии Бурцов был переведен в каземат № 10 Невской куртины³.

Первый допрос Бурцова состоялся в Тульчине 19 декабря 1825 г. А.И.Чернышев и П.Д.Киселев, проводившие начальное следствие, получили сведения об участии Бурцова в тайном обществе раньше, чем об этом стало известно в Петербурге. Донос Майбороды показал, что основным источником сведений его о Бурцове были Пестель и Н.Крюков. Майборода сообщал, что узнал от них об участии Бурцова в Московском съезде и выходе его затем из общества⁴. Бурцов был вызван в Тульчин и допрошен на основании показаний Майбороды⁵. Он принял тактику полного отрицания, заявив, что никогда ни к какому тайному обществу не принадлежал, но только к гласному «Обществу военных наук» (док. № 2/2)⁶. Ответы Бурцова были отправлены в Петербург и приобщены впоследствии к его делу.

На первом допросе в Петербурге, снятом В.В.Левашовым, Бурцов резко изменил линию поведения. Он признал, что был членом тайного общества, вступил в него в конце 1818 или в начале 1819 г., участвовал в Московском съезде, затем вышел из тайного общества и не поддерживал с его членами никаких отношений (док. № 3/1). Изменение тактики Бурцова на следствии связано с поступлением большого количества показаний о нем членов тайного общества, о чем Бурцов узнал, вероятно, на допросе 11 января. К этому дню имелись декабрьские показания Комарова, Орлова, Трубецкого, а также полученные в первой декаде января новые свидетельства Орлова, Краснокутского, Никиты Муравьева, Комарова. Они назвали Бурцова в числе коренных членов-учредителей тайного общества, делегатом от Тульчинской управы на Московском съезде 1821 г. Орлов, Трубецкой и Никита Муравьев отметили, что Бурцов «впоследствии совершенно оставил общество»⁷. Комаров «дал совет» Комитету: «Полезно запросить Бурцова об устройстве общества, он уличит и всех запирающихся»⁸.

Накануне первого допроса Бурцова в Петербурге, следователи получили показание Майбороды, вызвавшее впоследствии к Бурцову особое внимание Комитета. 10 января Майборода сообщил об уничтожении Бурзовым в 1822 г. списка членов тайного общества, попавшего в руки начальства при аресте В.Ф.Раевского. Майборода привел слова Пестеля, рассказавшего ему об этом эпизоде: «Бурцов человек весьма благородный... наши ему за одну вещь должны быть очень обязаны...»⁹ Расследование этого обстоятельства шло очень быстро. 13 января был спрошен Пестель, признавший достоверность слов Майбороды. Затем вопросы получили Аврамов, Юшневский и Лорер. Они подтвердили, что этот факт имел место. Аврамов и Юшневский сослались на слова самого Бурцова¹⁰.

15 января Бурцов был допрошен в Комитете. Ему был задан обширный круг вопросов, как по истории Союза благоденствия, так и деятельности Северного и Южного обществ (док. № 4/3). В ответах Бурцов вновь признал себя членом Союза благоденствия, дал обширный список его членов¹¹, подчеркивал просветительский характер организации, стремившейся, по его словам, создать общественное мнение в пользу преобразований, якобы ожидаемых от царя. Увидев, что Тульчинское общество делается все более радикальным под влиянием Пестеля, Бурцов, по его показаниям, стремился «разрушить» общество, а при неудаче — вышел из него, прекратив с ним все связи (док. № 5/4). Центральным в этом допросе стал для Бурцова вопрос о сожжении им списка членов тайного общества. Он защищался весьма продуманно, подчеркивая, что

1 ГАРФ. Ф. 48. Д. 30. Л. 180—183.

2 Щеголев П.Е. Указ. соч. С. 272.

3 ГАРФ. Ф. 48. Д. 28. Л. 96.

4 ВД. Т. IV. С. 24.

5 Датировка допроса в Тульчине либо Майбороды (22 декабря), либо Бурцова (19 декабря) ошибочна. Из материалов следует, что допрос Майбороды предшествовал допросу Бурцова. О следствии в Тульчине см. комментарии Б.Е.Сыроежковского к тому IV «Восстания декабристов». С. 422.

6 ВД. Т. IV. С. 37, 41, 43.

7 Наст. том. Д. 213 (Н.И.Комарова). Док. № 2/1; Д. 83 (М.Ф.Орлова). Док. № 5/1, 8/4; ВД. Т. I. С. 17, 32, 299; Т. XII. С. 67.

8 Наст. том. Д. 213. Док. № 3/2.

9 ВД. Т. IV. С. 77.

10 ВД. Т. XII. С. 41, 48, 194, 196; Т. X. С. 56, 64.

11 Имеется специальное дело: ГАРФ. Ф. 48. Д. 243 «Справки о членах тайного общества, собранные по показанию полковника Бурцова».

последний человек, видевший список, был начальник штаба 2-й армии П.Д.Киселев. Ему Бурцов, якобы и вернул документ, найденный им случайно в бумагах. Бурцов был абсолютно убежден, что допрашивать Киселева не будут и его собственное участие в уничтожении списка не будет доказано¹. Журналы заседаний Комитета скрупульно зафиксировали допрос Бурцова: «сознался, что принадлежал обществу до разрушения оного в 1821-м году, но потом оставил»². При чтении ответов Бурцова в Комитете 16 января помечено: «Из ответов Бурцова выписать и доложить о тех лицах, кои прежде в виду не были»³. 17 января Бурцов получил новый вопрос об уничтоженном списке, где прямо ставился вопрос о действиях Киселева (док. № 6/5). Бурцов повторил свой прежний ответ, выразив готовность к очной ставке с Киселевым (док. № 7/6). Следующий документ № 8/7 — копия ответа Бурцова от 16 января об истории исчезновения списка, к ней приложена также запись устного показания его об этом документе при допросе в Комитете 15 января. Следует отметить, что в журналах заседаний подобная запись отсутствует; она имеется только в ежедневных докладных записках Николаю I⁴.

На этом, несмотря на обилие новых показаний декабристов, расследование о Бурцове было формально прекращено. Прослеживается общность дела Бурцова с делом Грибоедова. Следствие о Грибоедове было оборвано из-за связи его дела с вопросом об А.П.Ермолове⁵, дознание о Бурцове было приостановлено из-за связи его дела с вопросом об отношении к тайному обществу начальника штаба 2-й армии П.Д.Киселева.

Дела Следственного комитета сохранили бесчисленное количество показаний о Бурцове. Помимо приведенных выше, остались свидетельства его участия в тайном обществе, в январе: Нарышкин, А.Н.Муравьев, М.Фонвизин, Муханов, Митьков, А.Поджио, Волконский, Комаров, Орлов, Лорер, А.Крюков, Барятинский, М.Муравьев-Аpostол, Оболенский, Павел Колошин, Аврамов, Ивашев; в феврале: Якушкин, Фаленберг, М.Муравьев-Аpostол, Бестужев-Рюмин; в марте: Пестель, Вольф, Басаргин, Оболенский; в апреле: Н.Крюков; в мае: Оболенский и Пущин.

В ряде показаний освещались принципиальные моменты деятельности Бурцова в Союзе благоденствия. Так, М.Муравьев-Аpostол назвал Бурцова в числе авторов 2-й части «Зеленой книги»⁶. Оболенский и Никита Муравьев отметили, что Бурцов имел свою управу в Петербурге до отъезда во 2-ю армию⁷. Басаргин указал на споры Пестеля и Бурцова о республиканском правлении⁸, большинство отмечало руководящую роль Бурцова вместе с Пестелем в Тульчинской управе Союза благоденствия. Им были приняты в тайное общество Пущин, Аврамов, Юшневский, Нарышкин, Оболенский⁹. Все эти показания не остановили внимания следователей, лишь о руководстве Бурзовым Тульчинской управой были спрошены Аврамов и Лорер (в январе) и Пестель (в марте)¹⁰.

24 февраля, страдая от неизвестности своей участия, Бурцов обратился с письмом на имя Николая I, в котором признавал свою вину (участие в тайном обществе до 1821 г.) и просил о снисхождении. На письме имеется помета царя: «Если степень вины доказана, то участь его решить пора»¹¹.

18 марта Следственный комитет заслушал записку о Бурцове с «высочайшей» резолюцией: «За то, что не объявил при подписке и за упорство в первом показании посадить на шесть месяцев в крепость и обратить на службу к старшему» (док. № 9/8)¹².

27 марта Бурцов был отправлен из Петропавловской крепости¹³. 8 апреля 1826 г. переведен в Колыванский пехотный полк. Содержался в Бобруйской крепости. 19 июля 1926 г. освобожден и «обращен на службу»¹⁴.

¹ Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 162, 163, 171–173.

² ВД. Т. XVI. С. 61.

³ ВД. Т. XVI. С. 61.

⁴ Эйдельман Н.Я. Журналы и докладные записки Следственного комитета по делу декабристов // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 166.

⁵ Нечкина М.В. Следственное дело Грибоедова. М., 1982.

⁶ ВД. Т. IX. С. 193, 244.

⁷ ВД. Т. I. С. 252, 316.

⁸ ВД. Т. XII. С. 307.

⁹ ВД. Т. II. С. 232; Т. X. С. 461; Т. XII. С. 191; Т. XIV. С. 404; ГАРФ. Ф. 48. Д. 244. Л. 14.

¹⁰ ВД. Т. IV. С. 139; Т. XII. С. 40, 192.

¹¹ ГАРФ. Ф. 48. Д. 36. Л. 3–4 об.

¹² ГАРФ. Ф. 48. Д. 36. Л. 22–25; ВД. Т. XVI. С. 133.

¹³ ГАРФ. Ф. 48. Д. 30. Л. 184.

¹⁴ Декабристы. Биографический справочник. С. 33.

Фрагменты показаний Бурцова публиковались Н.П.Павловым-Сильванским в его работе о Пестеле¹.

Следственное дело И.Г.Бурцова хранится в ГАРФ, в фонде № 48, под № 95. По современной нумерации в деле 27 листов. Сохранилась также нумерация А.А.Ивановского, согласно которой в деле было 26 листов. Документ № 1 не был пронумерован Ивановским.

Ниже указаны дела Следственного комитета, в которых имеются показания И.Г.Бурцова по различным вопросам, не вошедшие в состав дела № 95.

1. Дело № 240 В.Д.Вольховского, л. 4 (показание от 1 февраля 1826 г.). Наст. том. С. 446.

2. Дело 100 Р.В.Любимова, л. 4—5 (показание от 5 февраля 1826 г.). См. Наст. том. С. 225.

3. Дело № 254 Баранова, л. 2 (показание от 7 февраля 1826 г.).

4. Дело № 191 И.П.Липранди, л. 3 (показание от 12 февраля 1826 г.).

5. Дело № 293 «О деньгах и вещах, принадлежащих арестованным лицам», л. 260—261 об. (прощение от 18 февраля 1826 г.).

6. Дело № 252 В.А.Глинки, л. 6 (показание от 20 февраля 1826 г.). Наст. том. С. 464.

7. Дело № 36 «О непридании Верховному уголовному суду И.А.Фонвизина, Ф.Г.Кальма, М.Н.Муравьева, П.Х.Граббе, А.Г.Непенина, Е.В.Фон-Руге, Р.В.Любимова, И.М.Юмина наряду с 42 членами «Союза благоденствия», л. 3—4 об. (письмо от 24 февраля 1826 г.).

8. Дело № 98 Е.В.Руге, л. 12 (показание от 24 февраля 1826 г.). Наст. том. С. 220.

9. Дело № 253 С.Н.Бегичева, л. 6 (показание от 18 марта 1826 г.). Наст. том. С. 472.

10. Дело № 300 «О казенных претензиях, открывшихся на бывших полковых командиров и прочих офицеров, прикоснувшихся к делу о тайном обществе», л. 38—38 об. (рапорт от 21 марта 1826 г.).

11. Дело № 413, Ф.Б.Вольфа, л. 23 (протокол очной ставки от 22 марта 1826 г.); см: «Восстание декабристов». Т. XII. М., 1969. С. 117.

12. Дело № 293, л. 249 «а» (расписка от марта 1826 г.).